

**"ИЗНАНКА" ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. Часть 2.
ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ИХ НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ**

© М.А. Мушинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье с позиций широкого подхода к пониманию гражданского общества предпринята попытка аргументировать точку зрения о том, что зачастую гражданско-общественные функции выполняют стихийные объединения граждан, которые государственная власть и политизированная (официозная) часть гражданского общества либо игнорируют, не принимают всерьез, "не хотят замечать", либо реально не видят, не имеют информации о их существовании. Поэтому в структуру гражданского общества включены как те элементы, которые находятся в состоянии активного взаимодействия с государством и с другими политизированными институтами гражданского общества (политические партии, местное самоуправление, профсоюзы, общественные советы, зарегистрированные НКО, СМИ и т. п.), так и институты, которые с "системным миром" совсем или почти совсем не контактируют, функционируют в "теневом" режиме, в том числе и в смысле юридических условий. Однако существование таких институтов объективно подтверждается эмпирическими данными.

В первой части статьи были рассмотрены различные подходы к пониманию гражданского общества, поскольку в соответствии с ним формируются представления о его структуре и возможности включения в него "теневых" элементов. Сделана попытка ответить на вопрос – о каких общественных группах, сообществах и социальных институтах можно, а о каких нельзя говорить как о «теневых» элементах гражданского общества? В качестве противоположности («негражданским») элементам (тем, которые не следует включать в структуру гражданского общества) автором достаточно подробно рассмотрено сообщество лиц без определенного места жительства ("бомжи") как одного из "изнаночных" институтов гражданского общества в современной России.

Во второй части статьи в качестве сообществ граждан, которые следует изучать как «теневые» элементы гражданского общества, последовательно рассмотрены «уличные дети», явление «АУЕ», «футбольные фанаты» как характерный пример из широкого спектра неформальных объединений, виртуальные теневые сообщества: «игроманы», "группы смерти" и т. п. Предпринята попытка доказать необходимость комплексных межотраслевых исследований "изнаночных" явлений гражданского общества. В поисках инструментов автор в статье обратился к "изнаночным" сторонам социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом: теневой экономике и теневому праву. Сделан вывод, что зачастую теневое право – это нормативные системы, регулирующие общественные отношения внутри сообществ, представляющих собой элементы "изнанки" гражданского общества.

Итоговый вывод статьи: «изнаночные» социальные группы и образующиеся на основе их множества социальные институты являются неотъемлемой частью гражданского общества в России.

Ключевые слова: гражданское общество, "изнанка" гражданского общества, социальная группа, институт гражданского общества, право, теневое право, лица без определенного места жительства, неформальные молодежные объединения.

Формат цитирования: М.А. Мушинский. "Изнанка" гражданского общества. Часть 2. Отдельные элементы и их научное познание // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 23–41.

"UNDERSIDE" OF CIVIL SOCIETY. PART 2. THE INDIVIDUAL ELEMENTS AND THEIR SCIENTIFIC KNOWLEDGE

М.А. Mushinskiy

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article from the standpoint of a broad approach to understanding civil society's attempt to argue a point of view that often civil society functions are performed by spontaneous Association of citizens that the government and politicized (semi-official) part of civil society either ignored, not taken seriously, "I do not want to notice", or really do not see, do not have information about their existence. Therefore, civil society is included as the elements that are in a state of active interaction with the state and with other political and

civil society institutions (political parties, local government, trade unions, community councils, registered non-profit organizations, media, etc.), and institutions with "systemic world" with little or no contact, operated in "shadow" mode, including in the legal sense of the terms. However, the existence of such institutions is objectively confirmed by empirical data.

In the first part of the article considers different approaches to understanding civil society, because according to him formed the understanding of its structure and the possibility of incorporating the "shadow" elements. An attempt is made to answer the question – what kind of social groups, communities and social institutions can, and what cannot be said to be a "shadow" elements of civil society? The author proposes to exclude from structure of civil society openly "extra-cultural", anti-social groups and associations operating in violation of universally recognized norms of morality, universally valid behavioral norms, and harmful to public relations and the interests of other members of society, and thus oppose itself to society. To designate them used the phrase "uncivil society". As opposed to 'uncivil' elements the author considers in detail a community of persons without a certain residence (homeless) as one of the "undersides" of civil society institutions in modern Russia.

In the second part of the article, the communities of citizens who should be regarded as "shadow" elements of civil society has consistently considered "street children", phenomenon "AUE", football fans as a typical example of the wide range of informal associations, a virtual shadow community: gamers, "group of death", etc. The author concludes that even those elements of the "undersides" civil society and youth community, which in its organization seem to have pronounced anti-social, extremist ideology, for example, a group of teenagers declaring themselves to be skinheads, or a group of "AUE", which in fact may be a mere imitation, having nothing to do with the real racist, nationalist underground, or the underworld. The participants have not yet "crossed the line", did not commit socially dangerous acts. However marginal their character is obvious, and if you do not perform time correction, the face will be overcome, will join the "uncivil" society. In this case, certainly need of individual preventive work with individuals of such groups, but seems to be more effective prevention work with the relevant groups, communities, in respect of phenomena in general. This requires integrated and interdisciplinary study of its phenomena of civil society. In search of tools for such studies the author of the article also referred briefly to the "undersides" of social phenomena, is organically linked to civil society: the informal economy and shadow law. Concluded that often shadow law is a normative system regulating social relations within communities that represent the elements of the "undersides" of civil society.

The final conclusion of the article: "undersides" social group formed based on their many social institutions are an integral part of civil society in Russia. The state must attempt a constructive dialogue with considered, still today, the informal institutions of civil society, to examine them by using biased research institutes, to provide assistance, including legal, in their organization and development – to the extent that they are necessary for citizens of the state, combine them. Civil society in Alliance with public authorities should take measures to transform shadow institutions, that is, to their gradual, not violent, delicate conversion in accordance with the interests and needs of citizens – their members by harmonizing these interests and needs with the outside world. At the same time, accumulated in the informal communities, the experience of informal intra-group communication, social communication can be used for the benefit of positive social development.

Keywords: civil society, the "undersides" of civil society, social group, civil society Institute, law, shadow law, persons without a certain residence (homeless), informal youth association

For citation: Mushinskiy M.A. "Underside" of civil society. Part 2. The individual elements and their scientific knowledge // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 23–41. (In Russian)

Детские элементы в структуре "изнанки" гражданского общества. Реальные и виртуальные молодежные теньевые сообщества

В первой части статьи была рассмотрена проблема не совсем адекватного отношения общества, представителей публичной власти, ученых к сообществам лиц, попавших в сложную жизненную ситуацию, относящихся к социальной группе "бомжи".

Вдвойне порочно, негуманно и близоручко невнимательное отношение общества к попавшим в сложную жизненную ситуацию детям, которые также склонны объединяться в группы для совместного выжи-

вания и времяпрепровождения. Словосочетание "дети – наше будущее" в данном случае необходимо воспринимать не как расхожий, но малозначимый в практическом отношении словесный штамп. Напротив, оно совершенно объективно отражает реальную социальную ситуацию, которую необходимо иметь в виду при конструировании механизмов строительства "развитого" гражданского общества в России. Через несколько лет те граждане, которые сегодня находятся в подростковом и детском

возрасте, составят основу нашего общества. И вряд ли можно ожидать социальной активности и толерантности от человека озлобленного, перенесшего в детстве лишения и обиду, находящегося в состоянии педагогической запущенности, имеющего недостатки в психическом и (или) физическом развитии, не нашедшего поддержки со стороны государства и общества в трудную минуту.

В постреволюционной Советской России 1920-30-х гг. это явление называлось "беспризорники", сообщество которых живо показано художественными средствами в первом советском звуковом кинофильме – картине Н. Экка "Путевка в жизнь". С.А. Стивенсон для современной характеристики социальной группы несовершеннолетних, находящихся в наиболее тяжелом социальном положении бездомности, предлагает понятие "уличные дети". Автор трактует его в узком смысле – "это дети и подростки в возрасте до 17 лет включительно, для которых улица представляет основную социальную и экономическую среду и которые лишены гарантированного доступа к жилью. Фактически, это бездомные дети. От прочих групп детей, проводящих значительное время на улице (членов молодежных субкультур, подростков – членов уличных компаний и т. д.), их отличает необходимость самим находить средства к существованию. Тем самым они фактически лишаются детского статуса, в соответствии с которым взрослые должны о них заботиться, и становятся более или менее равноправными членами неформальных уличных сообществ, наравне с другими городскими маргиналами" [24].

Одно из самых страшных явлений в современной российской действительности – это так называемое "социальное сиротство". Такие подростки и дети – прямой "кадровый резерв" для маргинальной среды, для элементов "антигражданского общества". Чтобы не произошел переход несовершеннолетних в антигражданский статус, необходимы профилактические мероприятия, вдумчивая и реальная, воплощенная в соответствующее законодательство, социальная политика в отношении бездомных подростков, детей, которые остались без попечения родителей и надзора со стороны взрослых, детей-

инвалидов, детей из малоимущих и неблагополучных семей, из семей беженцев и вынужденных переселенцев и т. д. Кроме того, нужна сбалансированная, научно обоснованная, хорошо и стабильно финансируемая государственная программа возвращения в социум подростков, уже совершивших общественно-опасные поступки. Среди задач такой программы не только индивидуальное "исправление и перевоспитание", мотивация законопослушного поведения и "аксиологическая терапия", но и извлечение подростка из "антигражданской" среды, разрушение устойчивых общественно-вредных социальных групп, создание альтернативных сообществ, которые могли бы привлечь молодого человека с определенным типом характера, темпераментом, способностями и наклонностями.

Безусловно, обращаясь к "детской" части проблемы "обратной стороны" гражданского общества, не следует останавливаться только лишь на стихийных группировках сирот и бродяжничающих ребятишек. В настоящее время имеется значительное количество подростковых групп, объединяющих детей из семей с самым разным социальным статусом, которые не охвачены официальной воспитательной доктриной, не зарегистрированы, а значит, не подпадают под действие ФЗ "О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений"⁶ и других подобных актов законодательства. Более того, взрослая часть гражданского общества зачастую и не подозревает о их существовании. Отчасти потому, что участники этих групп принимают правила игры, предусматривающие, помимо прочего, тайну организации и конспирацию. А отчасти вследствие того, что в большинстве случаев общение между участниками таких групп имеет виртуальный характер, осуществляется в социальных сетях.

Из тех теневого молодежных сообществ, которые характеризуются контактами в большей степени реальными, а не виртуальными (хотя имеют и активную "компьютерную жизнь"), наибольшую тревогу в

⁶ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»: Федер. закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

последние годы вызывает сообщество, известное по аббревиатуре АУЕ. Данное самоназвание расшифровывается как "арестантско-уркаганское единство", "арестантский уклад един". Хотя это молодежное течение и имеет откровенно криминальный подтекст, "воровское братство" в качестве идеологического фундамента и блатную романтику как средство вовлечения новых членов, переводить его автоматически в разряд "антигражданских" элементов преждевременно. Несмотря на то, что в "штабе" организации АУЕ действительно усматриваются функционеры профессиональных преступных сообществ, в своей массе это движение охватывает обычных ребят, не успевших еще "перешагнуть грань", не совершающих на самом деле ничего противозаконного и общественно-вредного. Но они регулярно платят дань в "общак".

Кого-то запугали, заставляют это делать под угрозой перевода в разряд изгоев, "опущенных". Или даже из страха прямой физической расправы. Так, по данным ответственного секретаря Совета при Президенте РФ по делам человека Я. Лантратовой, в детских учреждениях Забайкальского края на воровской "общак" ежемесячно взимается с каждого ребенка "взнос" в сумме от 50 рублей (круглый сирота) до 250 рублей (из богатой семьи). "Контроль за работой движения АУЕ и сбором средств в общак ведется из мест лишения свободы. Заключение имеют выход на смотрящих на воле через социальные сети и мобильную связь. А те уже работают с детьми. Собранные деньги тратят по покупке продуктов, сигарет, которые в посылках отправляют на зону" [9].

А кто-то делает это добровольно. Для одних это увлекательная игра в "казаков-разбойников" на стороне разбойников, для других – форма социального протеста, пусть даже и не осознанного. Не случайно наибольшее распространение эта своеобразная подростковая "мода" получила в субъектах Российской Федерации, имеющих в своем составе откровенно депрессивные, неблагополучные, не подразумевающие реальных социальных лифтов муниципальные образования. Прежде всего это Иркутская область, Красноярский край, Республика Бурятия, Забайкальский край.

Эффект катализирован "благодаря" тому, что данные регионы на протяжении столетий выполняли роль места ссылки, здесь дислоцированы многочисленные учреждения для отбывания уголовного наказания. Далеко не все освободившиеся из них уезжали в те регионы России, где они проживали и были осуждены, многие "оседали" в Сибири и Забайкалье, вошли в состав местного населения, привнеся в региональную культуру свой пласт "воровской" субкультуры. Директор школы, расположенной на территории Ангарской воспитательной колонии для несовершеннолетних, И. Пескова описывает ситуацию следующим образом: осужденные подростки зачастую родились в семьях, где тюрьма – это норма, а другой жизни они не видели. "Многие дети попадают в криминальную среду от безысходности. Они никому не нужны ни дома, ни в школе ... Они везде изгои. А здесь им говорят: "Ты нам нужен". Подростку обязательно надо чувствовать, что он не один, что он такой же, как все. Ему ставят условие: сегодня ты принесешь нам рубль, а когда сядешь, мы тебя не бросим. И ребенок понимает, что он когда-нибудь сядет, но это нормально, так и должно быть" [23]. С этим выводом опытного педагога совпадает и наблюдение уже цитировавшейся выше Я. Лантратовой: "Они говорят: "Сегодня мы собираем на общак для зоны, а когда мы сами окажемся на зоне, то будут собирать на общак для нас". Они заранее предначертали себе, что сядут. Для них это некая романтика" [9].

С учетом массовости явления, ширины охвата подростковой аудитории, государству во взаимодействии с институтами гражданского общества, педагогическим и научным сообществами, очень важно разобраться в его социальных и психологических корнях, выработать средства и механизмы противодействия. Иначе данное "изнаночное" явление гражданского общества рано или поздно приведет к массовому пополнению "антигражданских" сообществ – преступного мира, к ухудшению криминальной ситуации в стране.

В таком же контексте, как представляется, нужно рассматривать и более изученное, отчасти уже приобретшее официальный статус в форме клубов болельщиков, но требующее дальнейшего осмысле-

ния и организации явление спортивного фанатизма, прежде всего футбольного. По мнению А.В. Якуба, данное явление имеет целый ряд проявлений. Его можно рассматривать как общественное движение, как социальную группу и как сообщество носителей специфической субкультуры. При этом не все участники данной социальной группы формализованы в фан-клубы. Часть из них представляет собой "свободных" болельщиков, фанатично преданных "своей" футбольной команде. В каждой фан-группе выделяется несколько десятков так называемых "хулиганов" – наиболее активных и агрессивных болельщиков, для которых собственно спортивная сторона вопроса имеет не такое уж и большое значение. Они пытаются претендовать на роль своеобразной элиты фан-движения, и именно их деятельность зачастую приобретает антиобщественную направленность [26]. Нередкие драки между группами футбольных болельщиков причиняют значительный ущерб общественному порядку, нравственности и безопасности. Например, каждый проводимый в г. Москве футбольный матч между командами премьер-лиги "оттягивает" на себя до трех тысяч сотрудников правоохранительных органов, которые могли бы быть использованы с гораздо большей пользой, если бы не угрозы, которые создают футбольные хулиганы. И это не считая "стюардов" (контролеров-распорядителей – сотрудников стадионов). Все чаще футбольные фанаты оказываются в гуще событий явно экстремистского плана, далеких от спортивных событий, в частности, на националистической почве. Как это было в ходе известных событий в декабре 2010 г. на Манежной площади и в других местах столицы, поводом для которых послужило убийство футбольного болельщика Егора Свиридова. Глава Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы В.В. Черников категорически против признания агрессивных повадок хулиганствующих групп фанатов субкультурой, поскольку "К какой-либо культуре подобное поведение не имеет на малейшего отношения". При этом специалист отмечает, что зарождающиеся внутри фан-движения боевые группировки кем-то умело управляются не только в делах спортивных, в том чис-

ле используются в попытках "разыграть этническую карту" [16]. Поэтому наиболее агрессивные такие группировки следует отнести к организациям "антигражданского" типа. Можно также вспомнить, что наряду с термином "субкультура" иногда предлагается термин "контркультура".

Однако, как и ранее, позволим себе утверждать, что далеко не все фанатские сообщества имеют антиобщественный характер. Следует иметь в виду, что помимо чисто спортивного азарта, "боления" за "свою" команду, молодых людей привлекает в фанатское движение именно желание быть членом такой необычной и привлекающей внимание сверстников ("крутой" на молодежном сленге) социальной группы. Можно выделить такие признаки сообщества, как наличие у футбольных болельщиков своего непонятого окружающим сленга, служащего как вербальным знаком "причастности" к "движению", так и средством конспирации, наличие экипировки и знаков отличия, распределение ролей между членами фан-группы, гомогенность группы, единый психический склад и психологический настрой участников.

К футбольным "фанатам" мы обратились лишь за наиболее характерным примером. Российская палитра молодежных субкультур, на базе которых формируются "теневые" институты гражданского общества, очень разнообразна. Такие "движения" и соответствующие им социальные группы, как хиппи, панки, рокеры, байкеры, металлисты, битники функционируют и, соответственно, изучаются уже несколько десятилетий. Другие возникли относительно недавно и еще ждут своих исследователей (эмо, готы, рейверы, гранжи, граффитеры, ролевики, транс, фурри и т. п.). Даже из перечисленных названий видно, что многие из них "пришли" в российское молодежное сообщество с Запада. Причем зачастую американские и европейские общества ими уже переболели и там эти движения практически "сошли на нет". В России же они попали на благодатную почву социальной нестабильности, бедности, нечетких ориентиров будущего для большей части молодых людей, культурологического разнообразия и безвкусицы, идеологического вакуума, отсутствия продуманной ориентационной работы с молодежью со сторо-

ны государства и ангажированных им "официальных" институтов гражданского общества, и прочих всем известных факторов. В большом числе случаев имеет место не осознанная приверженность российских подростков – участников конкретного "движения" – его идеологии (они ее особото и не знают, и не понимают), а простое подражательство. На первый план выходит внешняя атрибутика: стиль одежды и поведения, жесты, типичные виды деятельности, лозунги, символика, "фенечки", сленг и т. д. – как возможность "выделиться из толпы", удивить сверстников, ощутить свою причастность к сообществу единомышленников, противопоставить себя официозу. В крупных городах зачастую имеет место многолетняя (иногда даже с советских времен) преемственность неформальных молодежных групп, а также изменчивость их состава и мобильность участников. Эти тенденции на примере "Арбатской системы" отлично описаны С.А. Стивенсон [24].

В контексте общей темы статьи можно утверждать: даже те элементы "изнанки" гражданского общества – молодежные сообщества, которые в основе своей организации вроде бы имеют ярко выраженную антисоциальную, экстремистскую идеологию, например, группы подростков, провозглашающие себя скинхедами, на поверку могут оказаться лишь имитацией, не имеющей ничего общего с реальным расистским, националистическим подпольем. Соответственно, и коррекция поведения их участников может оказаться (до поры до времени, если не упустить ситуацию из-под контроля) не такой уж и сложной задачей. И.В. Погодин по этому поводу высказывает мнение, согласно которому применительно к России "сегодня можно говорить только о некоторой сообщности молодых людей, чья подражательская идеология исходит от западного движения "скинхедов". Но на Западе оно действительно организовано и доставляет

много хлопот органам правопорядка. У нас же эта часть молодёжи сгруппировалась в рамках фанатов скинхедской музыки и спортивных болельщиков". Нужно делать различие между реальными скинами и "играющими в скинов" подростками. "В данный момент истории в России нет молодежных организаций расистов, а есть маленькие разрозненные группы подростков, формирующиеся на некой идеологии скинхедов, которая витает в кругах музыкальных фанов и спортивных болельщиков, подпитываясь социальными условиями жизни молодёжи. Молодых людей интригует форма (камуфляж, высокие ботинки и короткая куртка, хотя это уже и уходит в прошлое) и свастика – символ центра и бесконечности жизни. Им импонирует сила, которую они вместе представляют" [18].

На наш взгляд, процитированный автор нарисовал все же излишне благостную картину. "Настоящие" экстремисты, расисты и националисты, в России, увы, есть. В том числе в молодежной среде. Иначе не было бы уголовных дел, подобных серии дел в отношении членов националистической группировки "Боевая организация русских националистов" Баклагина, Исаева, Волкова, Тихомирова, Тихонова, Горячева, Коршунова, Хасис, обвиняемых, в частности, в убийстве судьи Мосгорсуда Эдуарда Чувашова, адвоката Станислава Маркелова, журналистки Анастасии Бабуровой, а также нескольких граждан неславянской национальности и активистов антифашистского движения, в совершении других преступлений. Однако посыл понятен, и мы с ним согласны: в каждом конкретном случае нужно тщательно разобраться: когда имеет место реальный экстремизм и нацизм, а когда – игра в них, инфантильное подражательство подростков, стремление к "особости", представляющее собой девиацию, но не переросшее еще в стадию общественно-опасной деятельности.

Виртуальные теневые сообщества

Если говорить о тех молодежных сообществах, которые характеризуются контактами в большей степени, или даже исключительно виртуальными, то к "изнаночной" стороне гражданского общества от-

носится, пожалуй, большинство. И это новое явление социальной жизни ни в коем случае нельзя игнорировать и выпускать из-под научного контроля, хотя бы учитывая его масштабы.

Так, огромный охват имеет аудитория игроков ("геймеров"), общающихся с единомышленниками в сочиненной для них разработчиками игре виртуальной ирреальности. Известны случаи, когда подросток (в редких случаях – и взрослый человек) полностью уходит в этот выдуманный мир, теряя связь с реальной окружающей действительностью. Налицо болезненная зависимость. Соответственно, психиатры признают игроманию заболеванием, а социальные психологи – новым и плохо еще изученным социальным недугом. Очевидно, что в его изучении нужно учитывать не только индивидуальные психические и психологические особенности каждой отдельной попавшей в зависимость личности, но и групповой аспект, рассматривать сетевую игру как форму социального общения, а совокупность ее участников – как своеобразное сообщество. Как отмечают исследователи, "В киберпространстве интенсивно распространяется некая разновидность псевдочеловеческого существования посетителей интернет-форумов, чатов и пользователей сети в целом. Реальность больше "не проживается" людьми, она воображается, начинают наслаиваться один на другой различные уровни личности. Формируются виртуальные сообщества, и те, кто наибольшую часть времени проводят в сети, изолируют себя от истории реального мира" [10]. Отметим, что в сообществах геймеров нередко входят не только подростки, но и люди весьма "почтенного" возраста. В частности, игра используется людьми, внезапно потерявшими и не могущими длительное время найти работу – как средство на какое-то время отвлечься от недружелюбной действительности, хотя бы виртуально "уйти" от собственных проблем и неудач.

В Интернете на базе так называемых "социальных сетей" создано сегодня не поддающееся учету число виртуальных социальных групп – в диапазоне от безобидного и даже в известном смысле полезного общения бывших одноклассников, чьи человеческие контакты благодаря компьютерной технике обрели "второе дыхание" и новое прочтение, до распространителей и потребителей порнографии, наркотиков, экстремистских и иных преступных сообществ.

Возвращаясь к молодежной тематике отметим, что сетевое общение подростков не всегда имеет безобидный характер. Так, последние годы общественность бьет тревогу по поводу виртуальных сообществ, сложившихся вокруг темы суицида – "Синий кит", "группы смерти" и т. п. Неустойчивостью подростковой психики в данном случае пользуются манипуляторы. То есть в контексте нашей темы складывается примерно та же ситуация, что и в рассмотренном ранее примере с АУЕ: в субъектном составе социального явления есть откровенно незаконное и антиобщественное, как правило, хорошо законспирированное меньшинство ("ядро" организации), и есть "рядовые" члены сообщества и сочувствующие, объединенные идеей, в целом не вписывающейся в общепризнанные обществом ценности, пассивно осуждаемой обществом. Деструктивный характер явления заключается еще и в том, что приобщение ребенка, подростка к виртуальному сообществу препятствует социализации личности, искажает вектор смысла жизни, ставит преграды к восприятию общепринятых социальных установок. Однако образующая большинство масса участников сообщества в то же время не совершает противозаконных, антиобщественных действий, а значит их нельзя отнести к "антигражданскому обществу". Налицо "теневые" элементы гражданского общества, требующие тщательного теоретического осмысления. Государство и гражданское общество пытаются выработать средства противодействия рассматриваемому явлению.

Государство – путем установления административных средств выявления соответствующих фактов⁷, а также путем введения в уголовный закон специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за побуждение несовер-

⁷ О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" и статью 15.1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : федер. закон от 07 июня 2017 г. № 109-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3478.

шеннолетних к самоубийству, а также к другим действиям и «увлечениям», представляющим для него угрозу, в том числе с помощью средств Интернета. В июне 2017 г. в УК РФ, помимо новой редакции «стандартного» состава преступления, предусмотренного ст. 110 "Доведение до самоубийства", введены следующие составы: ст. 110.1. "Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства", ст. 110.2. "Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства" и ст. 151.2. "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего".⁸

О масштабах явления свидетельствует статистика, озвученная министром внутренних дел России В.А. Колокольцевым: за первую половину 2017 г. заблокированы более 16 тысяч "групп смерти" [13]. Что касается новелл УК РФ, то они только вступили в действие, судить о их эффективности рано. Единственный пока осужденный администратор "групп смерти" в соцсети "ВКонтакте" Филипп Будейкин (Лис), с подачи которого 15 подростков – членов соответствующих сообществ – покончили с собой в разных регионах России, был выявлен еще

до их принятия, поэтому осужден по "старой" статье о доведении до самоубийства. Однако, по-видимому, "процесс пошел": в августе 2017 г. в прессе появились сообщения о задержании сотрудниками МВД России в Московской области и Хабаровске администраторов групп социальной сети, которые склоняли подростков к самоубийствам, и возбуждении в отношении них уголовных дел по новым составам [17].

Общество противодействует "группам смерти" доступными ему средствами. Например, в г. Саянске Иркутской области в настоящее время проводится заслуживающий внимания эксперимент: педагоги и общественники в качестве альтернативы "группам смерти" и другим подобным ресурсам создали "ВКонтакте" группу "ЧУДО Саянск", построенную на тех же коммуникационных и психологических принципах, что и деструктивные группы, но имеющую позитивные концепцию, сценарий и задания для подростков [22]. Однако всем этим мероприятиям явно не хватает теоретической базы, в том числе исследований виртуальных сообществ под углом зрения социальной стратификации, как "изнаночных" новообразований гражданского общества.

Параллельное изучение «изнаночных» сторон социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом: теневая экономика, теневая политика, теневое право. Выявление взаимосвязей и разработка исследовательского инструментария

Для соответствующих научных (в том числе научно-прикладных) исследований "изнаночных" явлений гражданского общества в методологическом плане полезно, как представляется, обратиться к работам, посвященным теневым, "обратным", негативным сторонам других социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом.

В частности, достаточно активно экономистами и юристами исследуется явление теневой экономики. Для нашей темы представляют интерес те работы, в которых под явлением "теневая экономика" понимаются не только экономические преступления и коррупционные схемы, но и "экономические отношения между отдельными гражданами и/или **неформальными объединениями** (выделено мною – М. М.), ... не регистрируемые и не учитываемые государством (так называемая "вторая" экономика). Этот тип отношений выступает ответной реакцией граждан на просчеты хозяйственного механизма ..." [5, с. 309]. В последнее время помимо словосочетания "вторая экономика" к подобным теневым отношениям зачастую применяется характеристика "гаражная экономика", поскольку в большинстве случаев "производствен-

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : федер. закон от 07 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

ные цеха", "сервисы" и "ателье" расположены в квартирах, личных подворьях и гаражах граждан. И ее представители для решения своих производственных, организационных вопросов и проблем создают ассоциации. Соответственно, тоже неофициальные. Помимо "гаражной экономики" (и вместе с нею, в дополнение к ней) в "теневой" области экономических отношений находится также такое характерное для современной России явление, как неформальные, скрытые отношения в сфере труда – фактические трудовые отношения без юридического оформления, "зарплата в конвертах" и, соответственно, неуплата работодателем обязательных платежей и т. п. По оценкам специалистов, в настоящее время теневой сектор охватывает примерно 20 % российского рынка труда [15].

Объектом научного познания являются также многочисленные "теневые" явления в политике – политический подкуп, манипулирование сознанием электората, лобби и т. п. Здесь также можно позаимствовать методологические подходы и инструментарий для изучения "изнанки" гражданского общества.

В последние годы большое внимание уделяется "обратной стороне" права и правовых явлений. Можно усмотреть в данном случае три основных исследовательских ракурса: а) изучение негативных аспектов права в целом; б) изучение отдельных негативных явлений – элементов правовой действительности; в) изучение совокупности "юридического негатива" как органической части правовой жизни.

К негативным аспектам права как социального явления обратился первым, по-видимому, Гегель, введя в научный оборот концепт "неправо" – так называется раздел III части первой "Философии права" [7], есть обращение к нему и в ряде других работ. Мыслитель подразделяет "неправо" на: а) непреднамеренное неправо, б) обман, в) преступление. Существование "неправа" также оправданно и необходимо, как и права, поскольку дает праву импульс к развитию права в обществе [6, с. 106]. Отметим, что в своих рассуждениях о "неправе" Гегель в основном оперирует пониманием права в естественно-правовом, иногда в субъективном, но не объективном (формально-юридическом) смысле. Это натал-

кивает и нас на мысль о том, что в поисках ответов на вопросы по поводу явления "неправо" необходимо четко осознать для себя – теневую сторону какого именно явления мы ищем. И если гражданское общество – это область свободного волеизъявления индивидов, что подразумевает акцент на естественное право, то не является ли оно само по себе одним из проявлений "неправа" по отношению к законодательству, по крайней мере, в случае конфликта между интересами и ценностями государства и части социума?

Современные юристы, прежде всего, теоретики права, обращались к этой теме неоднократно под разными углами зрения. Так, В.А. Бачинин высказал мысль о том, что на определенном изломе истории созданное государством позитивное право, встав на путь самоотрицания, может утратить свою позитивность и в "нормативно-ценностном смысле превращается в свою противоположность – право негативное" [3].

Р.А. Ромашов делит право на "положительное" и "негативное". Причем ценность в его версии представляет именно "негативное", "отрицательное" право. Дело в том, что два названных вида права ассоциируются с типами правового регулирования. "Положительное" право ближе к "разрешительному" типу, отличающемуся значительной степенью зарегулированности общественных отношений государством с помощью законодательства. В данном случае намерения у государства благие, но в результате детальной регламентации решений и поступков у граждан развиваются патерналистские настроения, иждивенчество, утрачиваются навыки самостоятельного разрешения своих проблем и исчезает стремление к инициативе и самосовершенствованию. Плотной опекой со стороны государства наносится вред социальной энергии людей, и в итоге они добровольно отказываются даже от той небольшой доли самостоятельности, которая все же предусмотрена для них в законе [21, с. 132–136]. Таким образом, для развитого гражданского общества, движущей силой которого является социальная энергия, самостоятельность и активность граждан и их объединений, характерно "негативное" право. Соответствующий ему тип правового регулиро-

вания не предусматривает детальную регламентацию поступков людей, устанавливает лишь минимально-необходимые правила и запреты, определяет поведенческие рамки – "разрешено все, что не запрещено законом".

Среди отдельных негативных явлений правовой действительности в наибольшей степени исследованы на сегодня, во-первых, противоправное поведение (в узком смысле – правонарушение), во-вторых – негативные явления из области правосознания: правовой нигилизм, профессиональные правовые деформации и т. п.

Н.И. Матузов и А.В. Малько рассматривают негативные правовые явления с точки зрения их встроенности в правовую жизнь общества. Правда, до сего дня не разрешен спор между двумя этими учеными по поводу того – является ли "правовая жизнь" самостоятельной категорией юриспруденции. А.В. Малько является убежденным сторонником того, что это категория, а вот Н.И. Матузов полагает необходимым детальное изучение всех сторон правовой жизни, но не одобряет признание за ней значения самостоятельной научной категории, поскольку в данном случае происходит, по его мнению, ненужная замена устоявшейся, хорошо изученной категории "правовая система" на другую подобную, но менее обоснованную и более абстрактную. Поскольку данная авторитетная дискуссия напрямую не входит в предмет настоящей статьи, не станем обращаться к аргументам ее сторон. Они последовательно изложены, в частности, в вышедшей в 2016 г. коллективной монографии под редакцией А.В. Малько [см.: 20]. Отметим лишь, что наличие названного разногласия не мешает двум ученым вот уже два десятилетия писать в соавторстве научные работы и выступать соредакторами коллективных научных трудов и сборников по проблемам правовой жизни общества. В контексте нашей темы важен вывод, что в правовую жизнь (в отличие от правовой системы, что является важным элементом аргументации позиции А.В. Малько) входит комплекс всех юридических явлений – как позитивных, так и негативных. К последним относятся преступления и иные правонарушения, их субъекты и криминальные структуры, коррупция, злоупотребления, деформации

правосознания, выражающиеся, в частности, в правовом нигилизме, идеализме, популизме, ошибки в праве и иные, препятствующие положительной юридической деятельности факторы [12].

С точкой зрения А.В. Малько в целом совпадает позиция Ю.Ю. Ветютнева, согласно которой введению в научный оборот понятия "правовая жизнь" предшествовало понимание того, что "правовая жизнь (в отличие от правовой системы) включает в себя не только официальные, легально признанные явления, но и различного рода отступления, отклонения от юридически установленных образцов" [4, с. 51].

Поскольку право – это неременный элемент социальной жизни, допустим, переход от частного к общему: так же как и в правовой жизни общества, в социальной жизни в целом (в бытии общества) присутствуют не только официальные, легально признанные явления, но и различного рода отступления, отклонения от признанных государством и ангажированной им частью гражданского общества нормативов и образцов. В том числе и "теневые" социальные сообщества. Остается вопрос – следует ли их считать элементами гражданского общества.

Наиболее перспективно для взаимодействия элементов методологии изучения "теневых" институтов гражданского общества обращение к явлениям, охватываемым понятием "теневое право".

Обращение к данному явлению в ретроспективе в качестве наиболее яркого примера дает существующие веками вне границ конкретного государства поведенческие кодексы масонов.

Можно утверждать, что "теневое право" было достаточно широко распространено и в Российской империи. Вероятно, к явлениям из этого ряда можно отнести этническое обычное право того периода, "туземные" своды правил многочисленных народов и "народцев" ("инородцев") – этносов, населявших удаленные от имперского центра, недавно включенные в состав Империи территории. "Теневой" характер им придавала слабая изученность, невозможность осуществить в короткий срок кодификацию и включение в общегосударственную систему законодательства огромного количества устных правил пове-

дения, соблюдаемых разными народами в разных "глухих уголках" и на разных "окраинах" огромного государства. При этом, в соответствии с проводимой политикой мирного "собирания земель", российское государство относилось к данным проявлениям "теневого права" весьма толерантно: это хорошо видно из "Устава об управлении инородцев"⁹ и целого ряда актов законодательства того периода. Нельзя утверждать, что имперское правительство вовсе не пыталось включить поведенческие кодексы "туземного" населения в государственно-правовую систему. Н.С. Ахметова, например, пишет: "В колониальную эпоху, вследствие введения российского права, в Казахстане создавалась ситуация, когда сосуществовали правовые и судебные системы традиционного казахского и русского обществ. ... Отказавшись от радикального пути ломки старых традиций и норм, российское правительство, в соответствии с проводимой им политикой, так называемого косвенного управления, пыталось наряду с другими механизмами внедрения имперского права применить запись обычаев и кодификацию" [1, с. 179–184]. Однако повсеместно и всеохватно это было сделать физически невозможно.

Пример другой системы "теневого права" в Российской империи, значительно отличающейся от "инородческого права" и своим происхождением, и отношением со стороны власти, а главное – наличием некоего конспиративного элемента, – это правила поведения старообрядцев. Пройдя с момента Раскола путь от запрета и гонений до легализации и терпимого отношения со стороны государственной власти, старообрядческое сообщество выработало свои неписанные поведенческие кодексы, тщательно оберегаемые от постороннего глаза и праздного интереса. В литературе высказывается мнение о том, что своими экономическими успехами производственники и купцы из числа старообрядцев – Морозовы, Мамонтовы, Третьяковы, Рябушинские и др. – во многом обязаны именно их приверженности веками выработанным поведенческим стандартам, которыми ру-

ководствовались в хозяйственных связях тщательно отбираемые, принадлежащие к одному сообществу и потому связанные взаимным доверием партнеры. Как пишет Н.А. Кричевский, "За два с половиной века Раскола старообрядческие сообщества привыкли руководствоваться собственными понятийными уложениями", которые в совокупности представляли собой свод, далеко не всегда совпадающий с официальными нормами – "приемлемый для членов сообщества эрзац легальной правовой системы" [11, с. 34]. При этом, несмотря на имевшиеся в старообрядческих практиках неправовые вкрапления (например, стремление решать свои клановые и коммерческие проблемы с помощью коррупционных схем), в целом "понятийные уложения" старообрядцев были "серыми" ("теневыми"), не совпадающими со сложившимся на тот момент общественным укладом, но не откровенно незаконными или общественно-вредными. Особняком в социальном институте старообрядства выделялось до сих пор до конца не понятое и не достаточно изученное сообщество офеней, которые не только были своего рода "секретной службой" раскольников всех толков, имели свой малопонятный для окружающих набор поведенческих нормативов, но и выработали свой собственный конспиративный язык.

Как представляется, в случае с приведенными историческими примерами имели место "параллельные" государству системы нормативного регулирования, которые можно признать проявлениями "теневого" права. При этом теневой их характер не означал их относимость к "неправу". Они, как правило, не пребывали в состоянии антагонизма с позитивным правом государства, их существование допускалось государством. Во всяком случае, имперское правительство не предпринимало активных попыток борьбы с ними, законодательного запрета. Вместе с тем, осуществляемое ими регулирование общественных отношений находилось вне контроля со стороны государства, что можно расценить либо как юридический плюрализм в качестве составной части правовой доктрины Российской Империи, либо как проявление известной слабости российского государства того периода и его правовой системы,

⁹ Устав об управлении инородцев 1822 года // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. № 29126.

либо как сочетание того и другого.

К слову сказать, приведенные исторические примеры имеют современное продолжение. И сегодня есть свои неписанные, не ставшие официально признанными источниками права, поведенческие нормативы у малых коренных народностей Сибири, Севера России и Дальнего Востока, у жителей субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, у потомков староверов – "семейских", живущих в Забайкалье и других регионах ... Хотя масштаб явления и его социально-правовое значение (и назначение) уже далеко не те, что в имперский период.

Отдельная сложнейшая и не теряющая актуальности социальная проблема – жизненный уклад, нормы поведения и общественная организация цыган. Проблематика уникальная, далеко выходящая за рамки "стандартных" для малых народов проблем национальной культуры, этнической идентичности и аккультурации. Особенно сказанное относится не к "оседлым", а к кочевым группам.

Применительно к современности интересную трактовку явления "теневое право" дает В.М. Баранов. Считая важной характеристикой теневого права то, что оно является разновидностью негативного неофициального права, автор осуществляет вход в данный вопрос через основные идеи психологической школы, делящей право на официальное (позитивное, формальное, писаное) и неофициальное (интуитивное, неформальное, общественное). Последнее не связано с официальной позицией, с авторитетом государственной власти. Поэтому правовая действительность, согласно данной концепции, гораздо более вариативна, чем та часть правовой системы, которая регулируется государственным законодательством. В нее включены либо с ней связаны не только признаваемые государством системы социального регулирования, но и "вредный побочный продукт регуляции". Акцент на вредность и негативность феномена теневого права хотя и оправдан, но имеет определенную меру, ведь каждое сложное явление из областей политико-правовой и морально-психологической имеет как положительный, так и отрицательный моменты. "Соответственно, – пишет

автор, – и теневой порядок, теневое право не могут быть абсолютно негативным феноменом. Это связано с тем, что возникновение и становление теневого права происходило и происходит через организационно-деловые обычаи и обыкновения ... некоторые элементы теневого права содержат такие нормативные механизмы, которые превосходят нормы официального права и вполне могут служить основой для совершенствования действующего законодательства. ... На основе теневого права при длительном и последовательном его функционировании возникает теневой порядок или даже теневой правопорядок" [2, с. 179]. Тем не менее, далее автор характеризует теневое право как "искаженный, не планируемый ни одним демократическим государством и **ИСТИННЫМ** (выделено мною – М. М.) гражданским обществом вариант права отличиться, а точнее, выделиться из государственной сферы жизни, отделиться от нее". В описании признаков данного явления он отдает предпочтение примерам из "воровского закона". Отсюда вывод: "Теневое право – основа воспроизводства преступной сферы" [2, с. 180–181]. В.М. Баранов в итоге предлагает следующую дефиницию: "Теневое право – отрицательное проявление юридического плюрализма, специфическая форма неправа, опасная разновидность негативного неофициального права, представляющего собой, находящийся в состоянии борьбы с официальным правом, свод асоциальных обязательств, устанавливаемых самими участниками общественных отношений, предписаний, символов, ритуалов, жестов, жаргона, посредством которых регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями" [2, с. 182].

Работа В.М. Баранова, цитаты из которой приведены выше, представляет собой логически стройное, убедительное исследование, чрезвычайно полезное в методологическом плане для изучения неофициальной, внесударственной стороны правовой действительности. Тем не менее, позволим себе не согласиться с автором в одном из главных моментов. На наш взгляд, явление "теневое право" не является состав-

ной частью (разновидностью) "неправа", не охватывается им. Наоборот, объем понятия "теневое право" гораздо шире и лишь часть теневого права приобретает антигосударственный и антиобщественный характер, трансформируется в "неправо". В том числе (но не только) так называемый "воровской закон". В основной же своей массе проявления теневого права лишены негативного, общественно-вредного содержания.

На наш взгляд, прежде всего под ним следует понимать альтернативные государственным системы нормативного регулирования ("корпуса норм" по В.М. Баранову), регламентирующие отношения между членами достаточно массовых сообществ. То есть зачастую "теневое право" – это нормативные системы, регулирующие общественные отношения внутри сообществ, представляющих собой "теневые" элементы общества, примеры которых были рассмотрены нами в настоящей статье ранее. Сообществ, которые не относятся к "негражданскому обществу"! Теневое – не значит обязательно вредное. Теневое – значит незаметное, непосредственно не наблюдаемое, маскируемое. Теневое право при этом отличается от признанных и

разрешенных государством "дополнительных" систем социального регулирования: корпоративного (внутриорганизационного, локального), религиозного (имея в виду зарегистрированные государством религиозные организации), муниципального, коммунального. Отличия заключаются в том, что: а) системы "teneвого права" не признаны государством, о их существовании либо не известно, либо факт их существования властью замалчивается, либо их значение неадекватно преуменьшается (по ошибке либо намеренно); б) соответственно, в законодательстве государства не создана юридическая база их развития; в) зачастую "теневые" правила поведения для членов соответствующего сообщества имеют большее значение, нежели государственно-властные установления; г) нередко географический ареал действия норм той или иной системы "teneвого права" вообще не совпадает с границами конкретного государства, эта система имеет транснациональный международный характер (или, наоборот, ограниченно-локальный на части территории государства, не обязательно совпадающей с конкретной административно-территориальной единицей).

К итогам: "изнаночные" социальные группы и образующиеся на их основе социальные институты являются неотъемлемой частью гражданского общества в России

Мы не считаем бесспорным тезис Ю. М. Резника о том, что "Гражданское общество возникает прежде всего из потребности жизненного мира упорядочить и привести в соответствии с логикой собственного развития отношения с системным миром и в первую очередь с государством и с экономической системой. Оно является организованной реакцией индивидуальных и коллективных субъектов на технократическое воздействие этих систем, их экспансионистские устремления" [8, с. 224]. Как представляется, понимание гражданского общества не должно сводиться только лишь к зоне соприкосновения "жизненного" и "системного" миров. Если согласиться с изначально искусственной природой гражданского общества и с тем, что это понятие подразумевает лишь объединение "гражданских личностей", то в России на сегодня

гражданского общества нет и в ближайшем обозримом будущем быть не может. Ведь это особое состояние личности, "стремящейся овладеть "высшими" родовыми силами человека и получившей свою автономию в процессе длительной и упорной борьбы за свое социальное освобождение и духовное раскрепощение" [8, с. 226]. "Личность гражданского общества – новый человеческий тип, ориентированный на созидание, гражданские отношения и новую духовность" [19, с. 77]. Гражданского общества нет в таком случае просто потому, что число граждан Российской Федерации, безусловно, подпадающих под характеристики "гражданской личности", вряд ли составляет большинство. А можно сделать и гораздо более опасный вывод – что в России есть гражданское общество, но это только часть общества, объединяющая

"лучших" – "гражданских личностей", и есть остальные – серая масса, к стихийным объединениям которых понятие "гражданское общество" отношения не имеет. Уверены, что это не так.

Для нашего поиска более ценным представляется другой фрагмент процитированного обстоятельного труда по проблемам гражданского общества – тот, в котором авторы выделяют в качественном составе "гражданской жизни" сочетающиеся друг с другом интерессубъективный и объективный аспекты: "...интерсубъективность гражданской жизни реализуется в форме рационально-спонтанного (сознательно-бессознательного), взаимосогласованного, нормативно опосредованного и символически-регулируемого взаимодействия автономных субъектов, а ее объективность – в системе институтов гражданского общества, складывающихся и развивающихся во многом эволюционным, естественным путем" [8, с. 244]. Действительно, представления членов конкретных гражданских сообществ о необходимости (полезности) участия в данном сообществе и о правилах совместной деятельности, поведения и взаимодействия с другими его членами зачастую имеют характер выработанного на социальном опыте, заведомо правильного знания, прошедшего объективную проверку предшествующими поколениями, а потому не требующего дополнительного осмысления. И эти интерессубъективные, некритичные, консервативные по своей сущности представления граждан (участников институтов гражданского общества) хорошо вписываются в эволюцию институтов – социальных образований, возникших в самом обществе естественно, а не по воле государства и вне его контроля.

В структуру гражданского общества, по нашему убеждению, включены как те элементы, которые находятся в состоянии активного взаимодействия с государством и с другими политизированными институтами гражданского общества (политические партии, местное самоуправление, профсоюзы, общественные советы, зарегистрированные НКО, СМИ и т. п.), так и институты, которые с "системным миром" совсем или почти совсем не контактируют, функционируют в "теневом" режиме, в том числе и в смысле юридических условий. Однако существование таких институтов объективно подтверждается опытным путем.

И здесь следует согласиться с И. В. Мерсиановой, которая, проанализировав множество подходов к пониманию гражданского общества, пришла к выводу о том, что "Чрезвычайно важно, чтобы теория гражданского общества основывалась на надежных эмпирических данных, характеризующих его как на макроуровне анализа его структур, так и на микроуровне анализа его субъектов" [14, с. 6]. А эмпирические данные позволяют утверждать, что отдельные институты гражданского общества объединяют не только "гражданских личностей", но любых граждан государства. Задача гражданского общества как институционального образования в данном случае – организовать: а) взаимодействие и совместную деятельность индивидов на основе общих потребностей и интересов, а также заинтересованных индивидов с получившимися организациями; б) в некоторых случаях – взаимодействие с другими подобными организациями. В том числе и в отношениях, неподконтрольных государству. Это и есть "изнанка" гражданского общества.

Обобщая характеристики рассмотренных и некоторых других "теневых" сообществ, можно сделать вывод, что они имеют следующую двухуровневую структуру.

В основе организации (на первом, "нижнем" уровне) находится такой вид общности людей, как вторичная неформальная социальная группа. При этом явление социальной группы мы понимаем в традиционном, признаваемом значительным числом социологов смысле – как совокупность индивидов, которые с целью удовлетворения каких-то своих потребностей и интересов, реализации чувств или идей, находятся во взаимодействии между собой, осознают свою принадлежность к группе (самоидентификация) и принадлежность к ней других ее членов, являются приверженцами характерных для группы ценностей и субкультуры (если она есть), добровольно принимают на себя обязанности по соблюдению выработанных внутри данной группы правил поведения (конформизм). Диапазон группообразующих факторов в данном случае очень широк – от "низменных" бытовых физиологических потребностей (группы бомжей) до "высоких" духовных практик и попыток изменения Мира и Человека (религиозные секты). При наступлении определенных условий и формировании соответствующих призна-

ков социальная группа может преобразиться в организацию, в том числе в ассоциацию. Однако такая трансформация связана, как правило, уже с внешними контактами, в том числе с органами публичной власти, с легализацией и формализацией, выходом из "тени".

Второй ("верхний") уровень образуется вследствие того, что причины и условия, внешние социальные факторы и внутреннее психологические побудительные мотивы объединения граждан в группу повторяются в пространстве и во времени. Поэтому одинаковые или похожие группы возникают независимо друг от друга в разных местах России. Так, например, сообщества бомжей существуют повсеместно и в целом похожи друг на друга, хотя никак не общаются между собой. В других случаях, например, с АУЕ, имеется некий координационный центр, который обеспечивает информационный обмен, вырабатывает единые для сообщества поведенческие нормативы.

Совокупность, множество однородных социальных групп – это уже массовое социальное явление, исторически сложившаяся, характеризующаяся устойчивостью (повторяемостью) форма организации совместной деятельности. Поэтому мы и пытаемся представить ее как институт. Теневой ("изнаночный") институт гражданского общества.

Если исходить из неоднократно упомянутой нами необходимости широких научных исследований "изнаночных" институтов гражданского общества, а значит и выработки универсальной методологии таких исследований, то описанную трансформацию можно представить также несколько иначе, через социологические концепты "реальных" и "номинальных" ("статистических") общественных групп.

Первоначально исследователь в качестве объекта получает территориально локализованную реальную совокупность общающихся между собой, имеющих общие интересы и занимающихся совмест-

ной деятельностью людей. Как это видно, например, из многочисленных процитированных выше работ социологов, стандартно начинавших свои исследования с опросов и интервью с членами естественным образом возникших стихийных коллективов людей без определенного места жительства. Основами формирования из совокупности людей реальной социальной группы являются совпадающие потребности и интересы этих людей, причем удовлетворение этих потребностей и интересов («в одиночку») либо затруднено, либо вообще невозможно. В отдельных случаях (например, религиозные секты, организации спортивных фанатов, некоторые сетевые группы) «цементирующими» первоосновами для группы выступают не потребности и интересы, а ценности и воззрения. Хотя потом все равно «включается» потребность в реализации ценности через внутригрупповое общение с единомышленниками.

Однако повторяемость результатов таких исследований, осуществляемых в разное время в разных городах разных субъектов Российской Федерации, выявление единых существенных характеристик, позволяет сделать вывод, что мы имеем дело уже с номинальной группой, то есть с неопределенной совокупностью людей, выделяемых по некоторым устойчивым признакам. Это выделение имеет смысл для целей масштабного исследования не нескольких десятков лиц, а объективно наличествующего в современном российском обществе "теневого" социального явления ("бомжи", "фанаты", "дети улицы", "участники АУЕ", "игроманы" и т. п.). Поэтому у номинальных групп есть второе название – статистические, то есть в данном случае исследователь обращается уже к статистической совокупности частных проявлений масштабного явления и абстрагируется от непосредственных связей и отношений внутри реальных групп, принимая во внимание лишь результирующие, наиболее обобщенные характеристики, полученные по итогам частных исследований.

Заключение

Все вышесказанное в двух частях настоящей статьи позволяет, на наш взгляд, сделать обобщающий вывод: наличие "изнанки" гражданского общества – это дан-

ность. Возникает вопрос: положительный или отрицательный характер имеет данное явление? Вероятно, больше отрицательное, поскольку идеология и социальный уклад

теневых социальных образований все же не соответствует воззрениям и интересам большинства, хотя и не антагонистичны им. Зачастую деятельность теневых групп хотя и не имеет откровенно антиправового характера, но отличается маргинальностью, склонностью перехода в антиобщественное состояние. Поэтому гражданское общество в союзе с публичной властью должно, на наш взгляд, принимать меры к трансформации теневых институтов, то есть к их постепенному, не насильственному, деликатному преобразованию в соответствии с интересами и потребностями граждан – их участников, путем гармонизации этих интересов и потребностей с окружающим миром. В то же время, как это ни парадоксально звучит, но накопленный в теневых сообществах опыт неформального внутригруппового общения, социальной коммуникации, выживания в трудных условиях наконец, вполне вероятно можно использовать на благо позитивного общественного развития. В том числе и в контексте обогащения юридической сферы жизни общества, восприятия неформальных правил поведения (элементов "теневого" права), интеграции их в "официальную" правовую систему общества. Ведь они прошли жесткую верификацию самой жизнью. Для этого опыт "изнанки" гражданского общества нужно тщательно изучать.

Весьма удачно, на наш взгляд, обозначила данную проблему С.А. Стивенсон. Она пишет: "Распад советской суперсистемы породил множество маленьких и больших систем, групп, "крыш", под защитой которых люди пытаются выжить и которые сами развивают довольно сложные системы взаимоотношений, понятий, норм, возможностей. К ним и пытаются прибегнуть маргиналы как взрослые, так и дети. Эти теневые сообщества являются важной чертой постсоветского урбанизма ... Глобальные процессы трансформации государств и преобразования рынков труда приводят к вытеснению значительных групп населения (мигрантов, беженцев, представителей этнических меньшинств, бедных слоев) на периферию общества. Подходить к объяснению опыта этих людей лишь с помощью понятия "социального исключения" (social exclusion), описания различных сценариев, благодаря которым они "проваливаются" на

социальное дно, значило бы сильно обеднить понимание. В этом смысле внимание к социальному капиталу не только теряемому при вытеснении из "большого общества", но и накапливаемому в теневых сообществах, представляется оправданным и полезным" [24].

Как представляется, одна из функций государства в его взаимодействии с гражданским обществом вытекает из генеральной функции обеспечения и защиты прав и свобод личности. Это направление деятельности масштабируется с отдельной личности на социальные общности. Соответственно, функцией государства является обеспечение условий для реализации, охрана и защита прав и законных интересов социальных групп и институтов. Как официально оформленных, зарегистрированных органами публичной власти, имеющих законодательную базу своей деятельности, так и теневых. Причем последних – даже в большей степени, поскольку именно вокруг них возникают всевозможные риски. Эффективное государство – это такое, которое обладает средствами преодоления влияния институтов "негражданского общества" на них, воспрепятствования "перетягиванию" социальных групп, находящихся в колеблющемся, "пограничном" состоянии, в экстремизм, криминал и иной антиобщественный негатив. Задача науки – юриспруденции, социологии, психологии, педагогики, культурологии, конфликтологии и др. – помочь государству в выработке такого инструментария.

Возможен вариант мирного, корректного вытеснения "неправовых", теневых гражданских сообществ их социализированными аналогами, находящимися в правовом поле. Или корректировка сущности, ценностного ряда и поведенческой направленности существующих сообществ при сохранении их "оболочки", институциональной формы. Такая социальная терапия возможна используемыми в различных сочетаниях социально-психологическими, педагогическими, медиативными, даже экономическими средствами. Но меньше всего – юридическими и властными. Хотя юридическая и административная поддержка, сопровождение корректирующих мероприятий иногда все же необходимы. Так, например, В.А. Янышева в диссертации

дает обоснование социально-психологической коррекционной программы изменения направленности асоциальных подростковых групп, разработанной с учетом системно-психологических характеристик этих групп и опирающейся на диагностику определенных характеристик членов неформальных подростковых объединений¹⁰.

В идеале государство должно предпринимать попытки конструктивного диалога с рассмотренными, пока еще на сегодня теньвыми институтами гражданского общества, изучить их с помощью ангажированных научных институтов, оказать помощь, в том числе и юридическую, в их организации и развитии – постольку, поскольку они необходимы для части граждан государства, объединяют их. При этом не важно – имеется ли у государства какая-либо иная (политическая, экономическая) заин-

тересованность в них. Ведь обязанность государства – максимально полно обеспечить, защитить права и удовлетворить интересы **каждого** своего гражданина, при одновременном обеспечении общественного (коллективного) интереса. Поэтому государство должно наладить взаимодействие с ними, но не с позиций "старшего брата", не в смысле волонтаристской регламентации их деятельности, а на естественно-правовых и социально-правовых началах, в русле реализации обязанности государства на создание для каждого гражданина оптимальных условий для достойного существования и самореализации творческого потенциала, свободного удовлетворения личных интересов, в том числе путем добровольного объединения с другими личностями (ст. 30 Конституции Российской Федерации).

Библиографический список

1. Ахметова Н.С. Кодификационная работа в России по Казахскому обычному праву в XIX веке // Вестник КарГУ. 2007. № 1. С. 34–42.
2. Баранов В.М. Теневое право: очерки техники правотворчества. Избранные труды : монография. М.: Юстиция, 2017. 586 с.
3. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
4. Ветютнев Ю.Ю. "Свет" и "тьнь" правовой жизни // Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России: сб. статей. Тамбов, 2008. С. 50–57.
5. Вечканов Г.С. Экономическая безопасность: учебник. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 234 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 492 с.
9. Детки для клетки: интервью с Я. Лантратовой (интервьюер Е. Меркачева) // Московский комсомолец. 2016, 14–21 декабря.
10. Дмитриева В.А., Нестерова Я.В. Аспекты рискованного поведения и интернет-зависимости в социализации молодежи // Личность в изменяющихся социальных условиях : сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2012.
11. Кричевский Н.А. Свод понятийных уложений // Совершенно секретно. 2017. № 5 (394). С. 34–35.
12. Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 43–51.
13. Материал с сайта "Российской газеты", 26 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2017/06/26/>
14. Мерсиянова И.В. Определение понятия "гражданское общество": опыт систематизации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 2–6.
15. Особенности национальной нищеты: интервью с директором Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Т. Малеевой // Московский комсомолец. 2017, 5–12 апреля.
16. Отморозков – в черный список: интервью с В.В. Черниковым // Аргументы и факты. 2017. № 11.
17. Петров И. Полицейские задержали двух администраторов "групп смерти" в соцсетях // сайт "Российской газеты" [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2017/08/29/> (21.09.2017).
18. Погодин И.В. Научно-практическая характеристика современного состояния молодежной групповой антиобщественной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2009.

¹⁰ Янышева В.А. Системно-психологическая коррекция асоциальной групповой активности подростков : дис. ...канд. псих. наук. Ярославль, 2008. 283 с.

№ 1 (49). С. 137–141.

19. Политология: энциклопедический словарь / Аверьянов Ю.И., Айвазова С.Г., Алексеева Т.А. и др. М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. 431 с.

20. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / А.С. Анисимова, С.Ф. Афанасьев, З.С. Байниязова и др. / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2016. 488 с.

21. Ромашов Р.А. Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.

22. Старшинина Е. Удивлять, открывать и действовать // Пятница. 2017. № 18.

23. Старшинина Е. Жизнь по понятиям // Пятница. 2017. № 23.

24. Стивенсон С.А. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 91–101.

25. Якуба А.В. Футбольные фанаты как субкультура в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 184–189.

References

1. Akhmetova N.S. Codification Work in Russia on the Kazakh Customary Law in the XIX Century. *Vestnik KarGU* [Vestnik of Karaganda State University], 2007, no. 1, pp. 34–42. (In Russian)

2. Baranov V.M. *Tenevoe pravo. Ocherki tekhniki pravotvorchestva. Izbrannye Trudy* [Shadow Law: Sketches of Lawmaking Mechanisms. Selectas]. Moscow: Yustitsiya Publ., 2017. 586 p.

3. Bachinin V.A. Non-Law (Negative Law) as a Category and Social Reality. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2001, no. 5, pp. 14–20. (In Russian)

4. Vetyutnev Yu.Yu. 'Light' and 'Shadow' in Legal Life. *Aktual'nye problemy pravovoi politiki i pravovoi zhizni sovremennoi Rossii* [Topical Issues of Legal Policy and Legal Life of Modern Russia]. Tambov, 2008, pp. 50–57. (In Russian)

5. Vechkanov G.S. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security]. St. Petersburg: Piter Publ., 2007, 384 p.

6. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. Moscow: Mysl' Publ., 1971, vol. 2, 234 p.

7. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translation from German; com. eds D.A. Kerimov and B.S. Nersesyants. Moscow: Mysl' Publ., 1990, 524 p.

8. Kal'nogo I.I. *Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost'* [Civil Society: Roots and Modernity]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006, 492 p.

9. Merkacheva E. Kiddies for Cage: Interview with Ya. Lantratova. *Moskovskii komsomolets* [Moscow Komsomol Member], 2016, pp. 14–21 December. (In Russian)

10. Dmitrieva V.A., Nesterova Ya.V. *Aspekty riskovannogo povedeniya i internet-zavisimosti v sotsializatsii molodezhi* [Aspects of Socialist Youth's Risk Behavior and Internet Addiction]. *Lichnost' v izmenyayushchikhsya sotsial'nykh usloviyakh. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Personality in Changing Social Conditions. Information Package of International Scientific Practical Conference]. Krasnoyarsk, 2012.

11. Krichevskii N.A. Code of Conceptual Law-

Letters. *Sovershenno sekretno* [Top Secret], 2017, no. 5 (394), pp. 34–35. (In Russian)

12. Mal'ko A.V. Modern Russian Legal Policy and Legal Life. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2000, no. 1, pp. 43–51. (In Russian)

13. Material of the site of "Russian Gazeta". [Elektronnyi resurs]. <https://rg.ru/2017/06/26/> (accessed 24.06.2017).

14. Mersyanova I.V. Determination of the Concept "Civil Society": Systematization Experience. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2011, no. 4, pp. 2–6. (In Russian)

15. *Osobennosti natsional'noi nishchety: interv'yu s direktorom Instituta sotsial'nogo analiza i prognozirovaniya RANKhiGS T. Maleevoi* [Features of National Poverty: Interview with Director of Institute of Social Analysis and Forecasting RANEPА T. Maleeva]. *Moskovskii komsomolets* [Moscow Komsomol Member], 2017, 5–12 April. (In Russian)

16. Otmorozkov – v chernyi spisok: interv'yu s V.V. Chernikovym [Hellions to the Blacklist: Interview with V.V. Chernikov]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 2017, no. 11. (In Russian)

17. Petrov I. *Politseiskie zaderzhali dvukh administratorov "grupp smerti" v sotssetyakh* [Police Detention of two Managers of 'Group of Death' in Social Networks]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazeta]. Available at: <https://rg.ru/2017/08/29/> (accessed 21.09.2017).

18. Pogodin I.V. Scientific-Practical Characteristics of Contemporary State of Youth Group Antisocial Activity. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2009, no. 49, pp. 137–141. (In Russian)

19. Averkhanov Yu.I., Aivazova S.G., Alekseeva T.A. *Politologiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Political Sciences: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Moskovskogo kommercheskogo un-ta Publ., 1993, 431 p.

20. Anisimova A.S., Afnas'ev S.F., Bainiyazova Z.S. *Pravovaya zhizn' obshchestva: problemy teorii i praktiki* [Legal Life of Society: Theory and Practice

Issues]. Moscow: Prospekt Publ., 2016, 488 p.
21. Romashov R.A. Pen'kovskii E.V. *Filosofiya prava i prestupleniya* [Philosophy of Law and Crime]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2015, 344 p.
22. Starshinina E. *Udivlyat', otkryvat' i deistvovat'* [To Surprise, Open and Act]. Pyatnitsa, 2017. No. 18.
23. Starshinina E. *Zhizn' po ponyatiyam* [Live by the Code of Criminals]. Pyatnitsa, 2017, no. 23.
24. Stivenzon S.A. Street Children and Shadow

Сведения об авторе

Мушинский Михаил Адеилович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Критерии авторства

Мушинский М.А. провел самостоятельное исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за некорректные заимствования и плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила 3.10.2017 г.

Town Communities. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2000, no. 3/4, pp. 91–101. (In Russian)
25. Yakuba A.V. Football Fans as Subculture in Russia. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 4 (26), pp. 184–189. (In Russian)

Author credentials

Mushinskiy Mikhail A., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State Law Sciences Department, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Authorship Criteria

Mushinskiy M.A. conducted independent research, designed the research results and responsibility for improper citation and plagiarism.

Conflict of Interests

The author declares no conflict of interests

Received 3 October 2017